

Ф.С. Матвеев

**Индивидуализация, как
основа образования**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф.С. Матвеев**
Индивидуализация, как основа образования / Ф.С. Матвеев – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 46 с.

ISBN 978-5-517-83000-5

ISBN 978-5-517-83000-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и понимаю живопись и скульптуру также. Часто я самъ себѣ говорю, смотря на картину: «Господи, если-бы я могъ это сдѣлать... Насколько-бы я еще лучше сдѣлать. Музыка одна для меня недоступна; это—великолѣпный край, который я вижу издали, который я отгадываю и вокругъ котораго я хожу, но не могу взойти въ него».

Въ другомъ мѣстѣ гр. А. К. Толстой говоритъ въ той-же перепискѣ: «Мнѣ было 13 лѣтъ, и мы были въ Италіи. Ты не можешь себѣ представить, съ какою жадностью и съ какимъ чутьемъ я набрасывался на *всѣ произведенія искусства*. Въ очень короткое время я научился отличать прекрасное отъ посредственнаго, я выучилъ имена всѣхъ живописцевъ, всѣхъ скульпторовъ и немного изъ ихъ біографій, и я почти что могъ соревновать съ знатоками въ оцѣнкѣ картинъ и изваяній. *Не зная еще никакихъ интересовъ жизни, которые впоследствии наполнили ее хорошо или дурно, я сосредоточилъ всѣ свои мысли и всѣ свои чувства на любви къ искусству*. Эта любовь превратилась во мнѣ въ сильную и исключительную страсть».

Съ развитіемъ жизни, съ развитіемъ наукъ, принципъ индивидуальности въ воспитаніи все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ права гражданства, и для учащейся молодежи представляется все болѣе широкій просторъ въ выборѣ школъ соотвѣтственно призванію cadaго. Правительство, открывая разнаго типа школы,—техническія, земледѣльческія, коммерческія и др., и побуждая общество къ открытію профессиональныхъ школъ, идетъ тѣмъ самымъ на встрѣчу индивидуальному развитію молодыхъ силъ, такъ какъ даетъ больше возможности проявляться стремленіямъ и наклонностямъ cadaго индивидуума. Перегородки кастовыя и сословныя все болѣе утрачиваютъ свое первоначальное значеніе и начинаютъ отходить въ область исторіи; на арену жизни все болѣе и болѣе выступаетъ *человѣкъ* съ правами на всестороннее, гармоническое развитіе своихъ духовныхъ и физическихъ силъ—въ примѣненіи, однакожъ, къ его индивидуальнымъ особенностямъ.

Пробужденіе въ души воспитанника свойственныхъ ему стремлений, которыя должны затѣмъ одушевлять всю его послѣдующую жизнь,—вотъ къ какой цѣли должно стремиться воспитаніе и въ чемъ многіе видятъ даже залогъ истиннаго счастья. Пріобрѣтеніе знаній и формальное умственное развитіе являются лишь необходимыми ступенями достиженія вышеозначенной цѣли. Короче говоря, конечная цѣль воспитанія—пробужденіе и развитіе индивидуальныхъ силъ воспитанника.

Воспитаніе имѣетъ дѣло съ *живымъ* человѣкомъ, а слѣдовательно, далеко несовершеннымъ. Въ силу наслѣдственности, въ каждомъ

воспитанникѣ однѣ способности болѣе воспримчивы, болѣе поддаются развитію, другія — менѣе, а иныя почти совсѣмъ не поддаются никакому влиянію. Современное воспитаніе должно ставить себѣ задачу — развитіе тѣхъ способностей, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ природѣ воспитанника безъ всякаго насилія надъ духовной природой ребенка. Вотъ къ чему сводится въ настоящее время вопросъ о воспитаніи въ теоріи. На практикѣ дѣло стоитъ иначе, но, несомнѣнно, и оно стремится стать въ уровень съ теоріей.

Великіе реформаторы школы текущаго столѣтія, — Песталоцци, Дистервегъ, Жакото, Ушинскій и др. — были не только теоретики въ педагогическомъ дѣлѣ, но и практики: всѣ они были сами учителями; у нѣкоторыхъ были свои школы, гдѣ они и проводили свои взгляды, примѣняли новые способы обученія. Исходя изъ того, что успѣхъ дѣла главнымъ образомъ заключается не въ учителѣ, а въ самодѣятельности ученика, новые способы и имѣли цѣлью — пробудить въ ученикѣ интересъ къ ученью, дать возможность ученику самому справляться съ дѣломъ, приучить его къ труду. Извѣстное изреченіе Жакото «qui veut — peut» — «ученикъ можетъ сдѣлать многое, если только захочетъ» — блестящимъ образомъ подтверждалось самимъ Жакото на практикѣ. Къ нему на уроки со всѣхъ концовъ Европы стекались учителя и вообще лица, интересовавшіяся разработкою педагогическихъ вопросовъ, и, по свидѣтельству современниковъ, всѣ поражались блестящими результатами, которыхъ достигалъ Жакото въ своей школѣ.

Современная школа сдѣлала огромный шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что поняла, что успѣхъ дѣла зависитъ отъ *самодѣятельности* ученика, а потому и сосредоточила всѣ силы свои на возбужденіи интереса ученика къ дѣлу, на приученіи его къ труду. Современная школа постоянно какъ-бы говоритъ ученику, что онъ больше всего найдетъ въ самомъ себѣ средствъ къ своему усовершенствованію, и только совѣтуетъ и помогаетъ ему избирать тѣ пути, которые проще и скорѣе ведутъ къ цѣли. Несомнѣнно, такое пониманіе дѣла совершенно правильно.

Въ этомъ смыслѣ, т.-е., что вся сила заключается въ самодѣятельности человѣка, надо понимать и замѣчаніе Рибо, высказанное имъ въ своей психологіи: «Мнѣніе, что человѣкъ самъ создаетъ свою судьбу, принадлежитъ лишь новѣйшей цивилизаціи, и это — одно изъ лучшихъ ея завоеваній».

Но такой постановкой дѣла далеко еще не исчерпывается задача воспитанія, что и свидѣлствуютъ болѣе чѣмъ неутѣшительные результаты школы. Упрекъ Коменскаго, что школа подводитъ всѣхъ своихъ питомцевъ подъ одну рамку, имѣетъ силу и до сихъ поръ.

Въ этомъ виновата вся школьная система, виноватъ весь строй учебно-воспитательнаго дѣла. Школѣ нѣтъ дѣла до индивидуальных стремлений, влеченій, наклонностей своихъ учениковъ. Она ведетъ всѣхъ по одной и той-же программѣ. Занимаясь съ массой дѣтей, школа имѣетъ въ виду ученика *среднихъ силъ, среднихъ способностей*, къ которому и приурочиваетъ веденіе дѣла. Въ ней нѣтъ мѣста оригинальности, т.-е. натурамъ съ рѣзко выраженными индивидуальными стремленіями, съ преобладаніемъ, напр., однихъ ощущеній, другихъ ассоціацій надъ другими ощущеніями и ассоціаціями; въ ней нѣтъ мѣста для слабыхъ и выдающихся. Школа имѣетъ дѣло по преимуществу съ посредственностью; все же выходящее изъ обыкновеннаго, зауряднаго, школа силою своего авторитета отсѣкаетъ, подавляетъ и стремится подвести подъ тишь «средняго ученика». «Почти не помню я примѣра,—заявляетъ В. Розановъ (который былъ учителемъ 12 лѣтъ) въ своей статьѣ «Педагогическія трафаретки» *),—чтобы выходили изъ школы неспособнѣйшіе, и напротивъ, помню очень многихъ ярко даровитыхъ, о трудности для которыхъ какого-бы то ни было ученія не могло быть и рѣчи». «Все даровитое выбрасывается за бортъ». Въ другомъ мѣстѣ авторъ той-же статьи говоритъ: «Все даровитое само выбрасывается изъ гимназіи за бортъ, съ полнымъ сознаніемъ, что за этимъ послѣдуютъ годы нужды, нищенства, безпріютности, но съ совершеннымъ безсиліемъ еще на годъ, на два остаться въ этой нравственной и умственной тюрьмѣ, въ этомъ мірѣ видимостей, условностей, притворства, фикцій».

Значительный процентъ неуспѣвающихъ краснорѣчиво подтверждаетъ, что постановка учебнаго дѣла неправильна. Школа осталась на полъ-дорогѣ въ своемъ развитіи, отстала отъ стараго берега и не примкнула къ новому и «безъ руля и безъ вѣтрилъ» плаваетъ въ безбрежномъ океанѣ неопредѣленностей, отчего положеніе дѣла еще болѣе ухудшается. Принципъ «самодѣтельности» безъ примѣненія къ индивидуальнымъ силамъ—пустой звукъ, одна видимость умственнаго труда, безъ всякаго дѣйствительнаго умственнаго труда; это трудъ безъ развитія, безъ возрастанія, безъ озаренія, безъ просвѣтлѣнія, что могутъ вынести лишь вялыя, инертныя души, или-же обезличенныя силою школьной нивеллировки. Все зло современной школы,—понимая подъ словомъ школа весь строй воспитанія и обученія, а также и семью, которая стремится поддѣлаться подъ требованія школы,—все зло, вся бѣда, безъ сомнѣнія,

---

*) Статья эта напечатана была въ одномъ изъ нумеровъ «Новаго Времени» за прошлый годъ.

коренится въ *нивелировкѣ* учениковъ. Не всякій ученикъ, поступившій въ гимназію, имѣеть влеченіе къ изученію языкованія, имѣеть, такъ сказать, филологическія способности, такъ точно, какъ не всякій ученикъ реального училища предрасположенъ къ изученію математики, естествовѣдѣнія и рисованія. Отсюда вытекають всѣ печальныя послѣдствія дѣла. Счастливы тѣ дѣти и юноши, которыхъ наклонности совпадаютъ съ курсомъ учебнаго заведенія, въ которое они попали, и горе тѣмъ, которые должны восемь лѣтъ учить то, къ чему не лежитъ душа, что, вслѣдствіе этого, дается крайне трудно и является источникомъ мученія въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Вотъ эти послѣдніе и подводятся школою подъ одну рамку съ первыми. Они обыкновенно слывуть подъ разными именами: «тупыхъ», «вялыхъ», «лѣнивыхъ», «шалуновъ», «неспособныхъ», «старательныхъ и даже очень старательныхъ, но неспособныхъ», «способныхъ и даже очень способныхъ, но не старательныхъ». Забота школы огромная: всѣхъ подвести подъ рубрику «успѣвающихъ». Вотъ тутъ и начинается педагогическое воздѣйствіе въ формѣ разныхъ облегчающихъ приемовъ, повторенія, переписыванія, а также угрозы, наказанія, оставленія послѣ уроковъ, оставленія на воскресенье, оставленія на второй годъ и, наконецъ, когда уже всѣ средства исчерпаны, удаленія изъ учебнаго заведенія.

Многіе объясняютъ большой процентъ *неуспѣвающихъ* «трудностью» курса. Но «трудность» школы, какъ совершенно вѣрно говорить В. Розановъ въ цитируемой нами выше статьѣ,—«есть трудность безъ заключенной въ ней мысли, только внѣшнимъ образомъ истомляющая; трудность въ томъ, что ея безкультурная работа вовсе не будитъ способностей ученика себѣ на встрѣчу, что ея трудности не изощряють остроту этихъ способностей, не возбуждаютъ ихъ; трудность въ томъ, что восьми-лѣтняя видимость умственныхъ занятій рѣшительно не сопровождается тѣми освѣжающими моментами угадыванія, находенія, надежды, сознанный ошибки и, наконецъ, рѣшенія, которыя поддерживаютъ силы ученика при рѣшеніи «трудной» задачи. «Трудная школа»,—но, Боже, даровитый ученикъ не устаетъ вовсе, не устаетъ никогда трудиться надъ возбуждающимъ его дарованіе предметомъ; это-же есть высшее счастье—умственный трудъ; развѣ мы устаемъ писать, читать, т.-е. учиться? Философы развѣ уставали размышлять? И это въ возрастѣ зрѣломъ или старческомъ, т.-е. когда дарованіе не развивается, когда умъ до извѣстной степени одеревенѣлъ, когда работа есть только работа, а не ростъ прежде всего. Нормальное ученіе должно также мало утомлять, оно должно также проситься, искаться ученикомъ,

какъ ѣда, какъ воздухъ; и именно ученье трудное, не дающее сразу, вызывающее на борьбу съ собою». И мы видимъ, что дѣти дѣйствительно бѣгутъ въ школы, въ особенности въ элементарныя, народныя школы, гдѣ хорошій учитель или учительница, бѣгутъ, не смотря на морозъ и вьюгу, бѣгутъ за нѣсколько верстъ въ школу, потому что въ школѣ они живутъ полною жизнью, физическою и духовною; охотно бѣгутъ въ школу также и ученики первыхъ двухъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, когда еще индивидуальныя влеченія не успѣли проявиться; охотно ходятъ въ школу въ продолженіе всего курса ученія только тѣ «счастливыцы», которые находятъ въ ней удовлетвореніе своимъ индивидуальнымъ наклонностямъ. Но такихъ, къ сожалѣнію, очень немного. Начинаютъ проявляться индивидуальныя стремленія, всего чаще на третьемъ или четвертомъ году ученія въ заведеніи, и тутъ отношенія измѣняются. Школа по прежнему дѣлаетъ свое дѣло и не замѣчаетъ тѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ ея воспитанникахъ: нестарательныхъ, лѣнивыхъ, шалуновъ подтягиваетъ, вялыхъ, неспособныхъ, тупыхъ ободряетъ, и всѣхъ подводитъ подъ одну рамку, нивелируетъ.

Эта нивелировка тѣмъ легче дается, что индивидуальныя влеченія, наклонности въ большинствѣ случаевъ въ школьный періодъ только что пробуждаются, а потому проявленіе ихъ бываетъ обыкновенно робко, слабо, едва замѣтно. Въ этотъ періодъ, когда формируется физическій и духовный ростъ человѣка, когда изъ ребенка онъ преобразуется въ отрока, а затѣмъ и въ юношу, въ этотъ періодъ особенно бываетъ человѣкъ чутокъ, поддается всякому вліянію и можетъ принять направленіе, совершенно не отвѣчающее своимъ способностямъ. Конечно, это направленіе только временное, но тѣмъ не менѣе оно можетъ впоследствии дурно отозваться на всемъ духовномъ складѣ. Вотъ почему въ этотъ періодъ, когда проявляются индивидуальныя влеченія, какъ можно меньше слѣдуетъ стѣснять воспитанника, потому что удовлетвореніе потребностей и желаній не только обуславливаетъ развитіе человѣка, но и даетъ возможность ярче выразиться тѣмъ стремленіямъ, которыя ближе всего къ его природѣ.

Вліяніе школы, конечно, не всегда бываетъ настолько сильно, чтобы окончательно подавить въ воспитанникѣ свойственныя ему влеченія: не развивая индивидуальныхъ влеченій, не давая имъ возможность проявляться, школа у однихъ дѣтей совсѣмъ ослабляетъ ихъ, у другихъ только на время заглушаетъ; но бываютъ случаи, когда противодѣйствіе школы только усиливаетъ ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ начинается борьба, и болѣе сильная сторона—школа, конечно, побѣждаетъ, вслѣдствіе чего ученикъ долженъ или затань

свои стремленія, или же удалиться изъ заведенія, — другого выхода нѣтъ.

Какъ мы уже выше сказали, школа поставила себѣ въ образецъ типъ ученика среднихъ способностей, — типъ вполне отвлеченный, безъ всякихъ признаковъ жизни, и въ эти искусственныя рамки стремится втиснуть живую природу человѣка. Отсюда возникаютъ неправильныя отношенія школы къ ея воспитанникамъ, отсюда являются многія искусственныя мѣры, предписанія, отсюда же возникаетъ нерѣдко и антагонизмъ, вражда между школой и ея питомцами, вмѣсто взаимнаго довѣрія и любви. Натуры болѣе или менѣе уравновѣшенныя, спокойныя, у которыхъ ни одна наклонность, ни одно стремленіе не нарушаютъ общей душевной гармоніи, которымъ ничто не мѣшаетъ удовлетворять требованіямъ среды, въ которой онѣ находятся, эти натуры легко подчиняются и всѣмъ требованіямъ школы. Наоборотъ, натуры съ какою-нибудь преобладающею наклонностью съ большимъ трудомъ примѣняются къ средѣ, такъ какъ ихъ душевныя силы, такъ сказать, раздвигаются. На этихъ-то послѣднихъ главнымъ образомъ и ложится всею тяжестью школьная система, стремящаяся подводить всѣхъ подъ одинъ ранжиръ.

II.

Вѣдшее проявленіе духовной жизни какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей очень разнообразно. Прежде всего слѣдуетъ уяснить, какія стремленія въ воспитанникѣ прирожденныя, какія случайныя, временныя, мимолетныя, какія, наконецъ, не болѣе, какъ капризы. Высказываясь за индивидуальное развитіе, мы имѣемъ въ виду, конечно, что школа будетъ оказывать содѣйствія стремленіямъ прирожденнымъ, индивидуальнымъ, если въ основѣ своей они имѣютъ благо и никому не причиняютъ вреда. Отличить существенныя стремленія отъ случайныхъ въ воспитанникѣ значитъ составить сужденіе о его личности. Если воспитанникъ ведется такъ, что его не стѣсняютъ въ выраженіи проявленій своихъ стремленій въ разнообразной формѣ, то, когда время настанетъ, индивидуальныя стремленія, на первыхъ порахъ хоть въ общихъ чертахъ, но непремѣнно обнаружатся. Затѣмъ предоставляется широкое поле для наблюденія, чтобы составить болѣе полное представленіе объ индивидуальныхъ силахъ воспитанника.

Психологія въ настоящее время перестала быть чисто умозрительной наукой и гораздо больше, чѣмъ прежде, руководствуется въ своихъ выводахъ опытомъ и наблюденіемъ. Исходитъ она те-

перь не изъ какого-нибудь отвлеченнаго начала, а внимательно присматривается къ жизненнымъ явленіямъ и кладетъ ихъ въ основаніе своихъ выводовъ. Пора-бы и педагогикѣ взять примѣръ съ своей родной сестры—психологіи, пора-бы и ей раздвинуть свои рамки и увеличить кругозоръ своихъ наблюденій.

Богатѣйшій матеріалъ для педагога представляютъ біографіи и автобіографіи выдающихся людей на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. Въ этихъ памятникахъ человѣческой мудрости, славныхъ, а иногда и великихъ дѣлъ, собраны наблюденія и самонаблюденія, указаны тѣ условія, при которыхъ развивался человѣкъ, уловлено, что вліяло на развитіе его ума, чувства, энергіи, воли, отмѣчено, какъ и въ чемъ проявлялись индивидуальныя наклонности, какъ складывался характеръ. Всѣмъ этимъ богатѣйшимъ матеріаломъ педагогъ можетъ широко воспользоваться. Эти наблюденія и самонаблюденія, несомнѣнно, дадутъ возможность лучше разобратъ педагогу въ своихъ опытахъ и наблюденіяхъ надъ своими воспитанниками, дадутъ возможность сравнивать и тѣмъ самымъ помогутъ придти къ болѣе правильному выводу.

Законы развитія для всѣхъ людей одни и тѣ-же, будетъ-ли это натура богато-одаренная отъ природы, феноменъ, или-же обыкновенный смертный съ заурядными способностями. Но жизнь феноменовъ, «избранниковъ Божіихъ», несравненно богаче своимъ содержаниемъ, чѣмъ жизнь простыхъ смертныхъ; воспріятіе и проявленіе духовной жизни у первыхъ рѣзче, замѣтнѣе, въ силу своей величины, полетъ, такъ сказать, масштабъ ихъ дѣйствій значительно больше и разнообразнѣе. Все это даетъ возможность лучше слѣдить за ростомъ душевной жизни, наблюдать тѣ-же законы душевной жизни, которымъ подчиняются и простые смертные, только въ значительно увеличенномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи жизнь великихъ людей можетъ быть очень поучительна для невеликихъ. Если геній не всегда можетъ быть для насъ идеаломъ, какъ *человѣкъ*, идеаломъ во *всѣхъ отношеніяхъ*, напр., въ нравственномъ, въ отношеніи характера, то въ той области, въ которой болѣе всего выразился его геній,—будетъ-ли это необыкновенное проявленіе воли, или особенности ума, силы воображенія, чувства,—въ этой области онъ, несомнѣнно, всегда для насъ можетъ служить идеаломъ. Исслѣдованіе тѣхъ условій, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ геній или просто выдающійся человѣкъ, выясненіе тѣхъ обстоятельствъ, которые особенно вліяли на развитіе его, знакомство съ тѣми приемами, способами, какими его обучали и какими онъ самъ пользовался въ своихъ занятіяхъ,—все это въ высшей степени поучительно, все это, несомнѣнно, пролетъ свѣтъ въ педагогическую область, раздвигаетъ

нетъ рамки и дать жизненные идеалы въ воспитаніи, все это прольетъ свѣтъ и въ область обученія, обогатитъ ее не искусственными приемами, выдуманнѣми въ кабинетѣ, по преимуществу иностраннаго издѣлія, которыми такъ обильны наши руководства по педагогикѣ и методикѣ, а приемами, взятыми изъ жизни, которыми пользовались живые люди и достигали великихъ результатовъ. Болѣе близкое знакомство съ жизнью великихъ людей или, еще лучше, изученіе этихъ великихъ памятниковъ ума, чувства и воли человѣческой, поскольку они отразились въ біографіяхъ, мемуарахъ и автобіографіяхъ, благотворно отразится на педагогахъ и въ томъ отношеніи, что оно поможетъ отличать въ дѣтяхъ природенныя, индивидуальныя стремленія отъ случайныхъ, временныхъ.

Къ этому изученію мы и приступимъ. Но предварительно должны разбраться въ нѣкоторыхъ взглядахъ, которые не разъ высказывались и высказываются въ печати по поводу великихъ людей.

«Стать самимъ собою», «открыть самого себя», проявить въ полной мѣрѣ свою индивидуальность дается очень и очень немногимъ, несмотря на то, что человѣку присуще стремленіе къ развитію своихъ силъ, къ проявленію ихъ вовнѣ. Гдѣ же причина этому? Существуетъ мнѣніе, и оно прочно установилось, что люди богатоодаренные, «избранники жребія», всегда свое возьмутъ, всегда проявятъ и разовьютъ свою индивидуальность, несмотря ни на какія препятствія, что пути развитія исключительныхъ людей также исключительны, какъ и они сами. Приверженцы такого взгляда говорятъ, что талантъ, какъ живой родникъ, непремѣнно пробьется наружу и опрокинетъ всѣ препятствія. Мнѣніе это до такой степени пустило глубокіе корни, что даже сами біографы нерѣдко придерживаются его и приводятъ въ подтвержденіе не мало доказательствъ. Такъ, на школьной скамьѣ, за переводами Горація и Виргилія, Гельмгольцъ потихоньку дѣлаетъ подъ столомъ вычисленія преломленія свѣтовыхъ лучей.

Молодого Сименса за участіе въ дуэли посадили на шесть мѣсяцевъ въ крѣпость; онъ устроилъ себѣ тамъ лабораторію и открылъ золоченіе посредствомъ гальваническаго тока. «Примѣръ Кеплера всего нагляднѣе показываетъ намъ, — читаемъ мы въ біографіи его, составленной Е. А. Предтеченскимъ, — что нѣтъ такихъ препятствій, которыя могли-бы остановить развитіе и дѣятельность генія. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было-бы выдумать обстоятельства, менѣе благопріятныя для умственного и нравственнаго развитія. Отецъ — солдатъ безъ всякаго образованія, не любящій сына и не заботящійся о немъ; мать — грубая и пьяная женщина, настоящая рыночная торговка, бездомная и безсердечная. Кабакъ и пьяные

посѣтители его, которымъ будущій великій человекъ подноситъ отвратительное вино и мерзкую закуску, — вотъ обстановка мальчика... Какимъ образомъ въ этомъ крошечномъ аду могъ очутиться свѣтлый ангелъ? Что можетъ быть хуже этой среды, этихъ условий? По общепринятому мнѣнію, такая среда должна-бы «загубить» все, съ нею соприкасающееся. Да она обыкновенно и дѣйствуетъ растлѣвающимъ образомъ, какъ зараза, но... не на генія. Грязь и сырость неизбѣжно обратятъ въ ржавчину желѣзо, но нисколько не испортятъ золото. Такъ бываетъ и съ избранниками Божиими.

Творческая сила человека, по мнѣнію тѣхъ-же защитниковъ приведеннаго взгляда, преградъ не знаетъ и ссылаться на судьбу, на среду, на плохую обстановку можетъ только слабая воля. Сильная душа выйдетъ изъ борьбы, какъ сталь изъ огня, только закалившись.

Таково общее мнѣніе относительно развитія «привилегированныхъ» личностей, «избранниковъ жребія». Но правиленъ-ли этотъ взглядъ? Можно привести еще не мало примѣровъ изъ біографій великихъ людей, свидѣтельствующихъ о желѣзной силѣ воли, предъ которой рушились всѣ препятствія; но и тогда едва-ли можно придти къ общему выводу.

О чемъ свидѣлствуютъ всѣ эти примѣры? О побѣдѣ даннаго лица надъ препятствіями, о счастливомъ выходѣ человека изъ борьбы съ жизнью. Но отсюда еще нельзя сдѣлать выводъ, что эта *побѣда остается всегда за человекомъ, если только этотъ послѣдній богатъ одаренъ способностями.*

Примѣровъ не мало и такихъ, гдѣ человекъ съ волею, съ безспорно выдающимися способностями всю жизнь борется съ обстоятельствами, не сдѣлавъ и сотой доли того, что могъ-бы сдѣлать при другихъ условіяхъ, не развернувъ тѣхъ силъ, которыя въ тайникѣ души его хранятся. Наши Кулибинъ, Шевченко, Кольцовъ, Никитинъ, Ѳедотовъ (и каждое государство можетъ привести множество своихъ подобныхъ примѣровъ) показываютъ намъ, какими могучими задатками обладаютъ нерѣдко общественные слои, лишенные свѣта знанія и матеріальнаго довольства, какой непочатый еще родникъ поэзіи, ума и нравственной энергіи заключаютъ они и какою могучею живительною струею могли-бы пролиться эти силы, если бы исторія была вообще милостивѣе къ людямъ. Чтобы вѣрить на дорогу, проявить свою индивидуальность, конечно, нужно имѣть недюжинное дарованіе и силу воли, но было-бы ошибочно въ этомъ видѣть все: нужно еще, какъ говорится, родиться въ сорочкѣ, т.-е. нужны еще особенно благопріятныя условія. И если внимательнѣе посмотрѣть на тѣ условія жизни, среди которыхъ про-

текали дѣтство и юность выдающихся людей, вышедшихъ изъ народной среды, изъ страшной нищеты и бѣдствія, какъ большинство вышеназванныхъ лицъ, то и въ ихъ жизни найдутся благопріятныя обстоятельства, способствовавшія ихъ развитію.

Это условіе такъ-же необходимо для развитія, какихъ-бы способностей человѣкъ ни былъ, какъ солнечный лучъ для всего живого. Отсутствіемъ благопріятныхъ условій въ воспитаніи и объясняется то, что люди съ недюжинными дарованіями и съ сильною, но направленною на зло волею не только погибають для общества, но даже вредны ему. «Можетъ-ли проявиться талантъ даннаго живописца,—спрашиваетъ Фр. Полана въ своемъ трудѣ «Психологія характера»,—если какой-нибудь несчастный случай лишитъ его съ ранняго дѣтства зрѣнія? Можетъ быть, въ немъ проявится другой талантъ, но, можетъ быть, разрушенная сила ничѣмъ не будетъ замѣнена. Сколько менѣе явныхъ случайностей могутъ подавить зарождающіяся желанія или потребности. Все, что происходитъ вокругъ насъ и въ насъ самихъ, содѣйствуетъ тѣмъ или другимъ стремленіямъ, приостанавливаетъ или совершенно ихъ уничтожаетъ. Конечно, *требуется немного, чтобы существенно изменить нашу натуру и помѣшать намъ быть тѣмъ, чѣмъ мы теперь являемся*».

Дѣло въ томъ, что далеко не всѣмъ біографамъ удавалось уловить тѣ факторы въ жизни великихъ людей, которые всего болѣе способствовали пробужденію и развитію въ нихъ индивидуальности. Въ своихъ описаніяхъ біографы больше всего останавливаются на внѣшнихъ условіяхъ, какъ болѣе замѣтныхъ, съ которыми приходилось бороться многимъ избраннымъ натурамъ; эти чисто матеріальнаго свойства факторы они считаютъ столь-же вредными для развитія духа, какъ и для физическаго развитія. Между тѣмъ, не мало такихъ примѣровъ, засвидѣтельствованныхъ самими дѣйствующими лицами въ своихъ автобіографіяхъ, что нерѣдко обстоятельства отрицательнаго свойства содѣйствовали развитію положительныхъ сторонъ. Такъ, болѣзнь, недостатокъ движенія, отсутствие разнообразія впечатлѣній, недостатокъ надзора, одиночество и другія чисто отрицательныя стороны нерѣдко способствовали развитію сосредоточенности, углубленію во внутренней міръ, что несомнѣнно содѣйствовало духовному росту. Отъ смѣшенія факторовъ въ развитіи, отъ неразличенія ихъ вліянія на физическую и духовную природу человѣка и получило неправильное заключеніе, что для гениальныхъ натуръ нѣтъ препятствій, что онѣ всегда пробьютъ себѣ дорогу. Неполнота біографическихъ данныхъ нѣкоторыхъ выдающихся личностей, въ особенности далеко отстоящихъ отъ насъ по времени, приписываніе внѣшнимъ событіямъ, которыя въ боль-